

Красное солнце на черном поле

В Орле, в краеведческом музее, довелось мне увидеть домотканый, из шерсти, ковер: по черному полю, словно по пахоте, рассыпалось несколько ромбов-солнц. Я залюбовался разноцветьем и ритмикой узоров, голубые, фиолетовые, розовые, черные, серые полосы, нисколько не утомляя глаз, создавали единую гармонию чистоты и праздничности, что-то далекое, почти забытое вставало в памяти. Где и когда я видел эти узоры? Подсказала сотрудница музея: примерно до середины пятидесятых годов подобные ковры, дорожки, покрывала, попоны, каролинки из овечьей крашеной шерсти продавались на Орловском колхозном рынке. Ну а сейчас их делают крестьяне из Новодеревеньковского района области.

... По ровному, пустынному шоссе мчит запыленный «газик». Он везет меня в деревню Верхняя Любовша, где, как объяснили знающие люди, еще должна ткать ковры Мария Григорьевна Сошина. От райцентра Хомутово до деревни добрых двенадцать километров, и все время дорога идет вдоль бескрайних полей пшеницы, ржи, ячменя, кажется, мы несемся по волнам играющего под ветром серебристо-зеленого моря. Наконец, словно изумрудный остров из воды, показалась Верхняя Любовша.

За порогом нехитрого крестьянского дома, в чистой кухне, где царствовала свежeweыбеленная русская печь, в углу стояло странное деревянное сооружение, чем-то напоминающее букву П. Вот он, старинный

вертикальный стан для простого переплетения нитей, и не в музее, а в сельском доме, где в уютной горенке голубеет экраном телевизор.

На перекладинах, по-народному «досточках», были натянуты нити основы, прикрытые уже наполовину сотканным ковром: по черному полю — крупные алые розы в венках из ярко-зеленых листьев.

— Лучше-ка я покажу, как ткут, — сказала Мария Григорьевна и села на низкий табурет. Ловкие ее руки, подхватывая то один, то другой клубок цветных нитей, словно птицы-стрижи, замелькали у частокола основы, вплетая в поле ковра то черную, то алую, то желтую, то зеленую нити.

— Сколько же потребуется времени на весь ковер? — поинтересовался я.

Мария Григорьевна на мгновение задумалась.

— Пожалуй, месяца два хватит, если, конечно, две мастерицы будут работать полный день. — Она немного помолчала и стала рассказывать: — Меня ведь с малых лет приучали к рукоделию. Посадят, бывало, на лавку, дадут в руки веретено и строгий наказ: столько-то напрядь. Ноги еще до пола не достают, а стараешься от взрослых не отстать, а то кто-нибудь подсмеется: вот неумеха растет, замуж, мол, никто не возьмет, — засмеялась Мария Григорьевна. — Зимой в долгие вечера придут, бывало, к нам соседские девчата, полный дом народу набьется. Прядут, разговоры разные зачнут, сказки рассказывают, песни поют, вот и вся радость. Летом, конечно, холсты стлать да белить. Ищешь место на лугу поровнее, ругаешься с подружками за место. Как же, на неровном месте холсту солнышка мало будет, плохо выбелится... За ткацкий станок, — продолжала хозяйка, — меня рано посадили. Вначале что попроще делала, например, рядно, потом уж и льняное полотно и шерсть ткать научилась. Ткацкому делу в те времена каждая девушка была обучена. Без этого было не прожить. Фабричное носили только по праздникам, да и те, кто побогаче. А так в своем, домотканом, ходили — и в поле, и в церковь, и на праздник. Если же иная девушка ткала плохо, то, бывало, и в девках засидится. Но ежели невеста, кроме всего прочего, умела еще и ковер соткать, тогда, как говорится, от женихов отбоя не было... Наша семья, — вздохнула Мария Григорьевна, — бедная была, своего коврового стана не имела. Так я к соседке упросилась учиться. Спасибо ей великое, что все свое умение она мне передала.

Мария Григорьевна перехватила мой взгляд: я все пытался понять конструкцию ткацкого станка.

— Никудышный стан, — усмехнулась она, — после войны деланный. Первый-то сгорел. Ох и намучилась я, пока человека искала, чтобы ковровый стан сделать. Так и не нашла! Будь проклята война-лиходейка, почти всех наших мужиков унесла. Пришлось мне одному пареньку, который немного плотницкому делу разумел, растолковывать, как да что. Легковатый стан получился, но работать можно.

Ее руки опять потянулись к разноцветным клубочкам. Несколько минут Мария Григорьевна сосредоточенно работала, словно забыв обо мне. Я же подумал, какое великое терпение надо иметь, чтобы по ниточке сотворить ковровое полотно.

— Вы про ковер-солнце спрашивали, — вдруг встрепенулась мастерица. — Как же, ткала когда-то. Но «роза» мне больше по душе. Смотрите, какие «яблоки» получились, — показала она на крупные алые цветы. — А ковер-солнце у хомутовских мастериц поищите...

«Где же все-таки увидеть это «солнце»?» — размышлял я, шагая по нагретым полуденным солнцем тихим улицам райцентра.

— Сходите к Наталье Никифоровне Гладких, может, у нее что осталось. Когда-то ее изделия брали даже на Всесоюзную выставку, — посочувствовали мне в отделе культуры.

Наталья Никифоровна Гладких, высокая, чуть сторбленная, но еще крепкая на вид женщина, хлопотала во дворе по хозяйству. Мирно кудахтали куры, покрякивали утки, изредка раздавался нервный, неприветливый клекот индейки, где-то в глубине сада слышался печальный голос голубя-ворокуши.

Хозяйка привела меня в дом, усадила за стол, села сама, сложив на коленях тяжелые, все в венах, разбитые на работе руки.

Помолчали, потом я робко спросил про ковер-солнце.

— Да вот он, — указала она на стену, где над кроватью висел большой ковер с бледно-зелеными ромбами по буроватому вылинявшему полю.

Видя мое недоумение, пояснила:

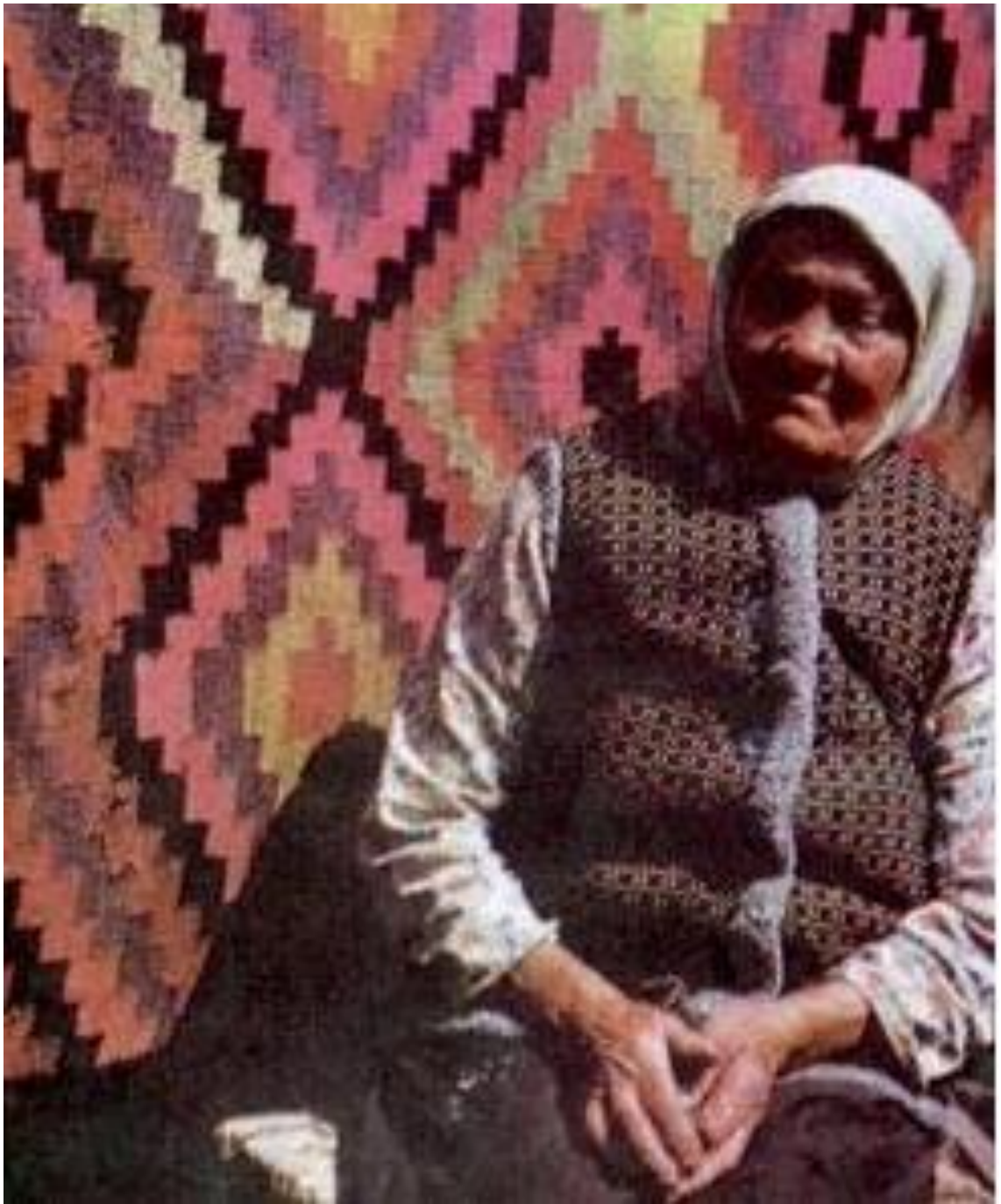
— Выткала я его сразу после войны. Очень уж хотелось чем-нибудь хату украсить. А время тяжелое — хозяйство подымали, не до ковров было. Вот и ткала его из того, что под рукой было, краски и повыщели.

Она поглядела на свои руки, затем перевела взгляд в окно, где в солнечных лучах купалась буйная зелень, поправила темный платок.

— Все умела ткать — и мешковину, и холст, и тонкое льняное полотно, и шерстяную ткань, и, конечно, ковры, да, видно, мое умение со мной уйдет. Девчата теперь не особенно интересуются старым промыслом...

Наталья Никифоровна вдруг поднялась и ушла в боковушку. Несколько минут не появлялась, затем вышла, держа в руках небольшой ковер, с черного поля которого радостно сияли четыре ромба-солнца.

— Уж и посидела над ним, голову поломала, — сказала она, любовно разглаживая коврик. — Приглядись, в каждом круге¹ — кирпич, он не только цветом, но и размером отличается. Потому и черное поле играет. И все это для того, чтобы не скучно было, чтобы круги закрутились, засияли... Непростое это дело — ковры ткать, — продолжала Наталья Никифоровна, — тут свои секреты имеются. Ведь старинный узор повторить — это еще полдела, главное — надо суметь свое новое внести, чтобы твой ковер-солнышко от других отличался. Когда-то ковры у меня хорошие получались — и на стену, и для свадебных санок. А все равно изведусь, бывало, пока мой новый ковер люди не увидят.

Уходя от Натальи Никифоровны, я думал о том, что хорошо бы издать своеобразную Красную книгу с подробным перечнем всех редких, понемногу исчезающих из нашего быта промыслов, поддержать народных мастеров морально и материально, чтобы тонкая ниточка, связывающая нас с древним ремеслом, не канула в беспощадную Лету. Вспомнились слова одного ученого: «Двигаться вперед нам помогает память, а не забвение...»

¹ *Круг — так мастерица называла ромб, составленный из цветных прямоугольников — «кирпичей».*

Орловская область В. Константинов
Фото А. Маслова

Константинов, В. Красное солнце на черном поле / В. Константинов // Вокруг света. — 1980. — № 21. — С. 44-45.

О народных мастерицах домотканых ковров М. Г. Сошиной из д. Верхняя Любовша и Н. Н. Гладких из п. Хомутово Новодеревеньковского района Орловской области.